

Цзян Руолан всегда ненавидела зло, но это не означало, что она жалела людей, которые причиняли ей боль. В конце концов, она не была святой, но когда на кону стояла жизнь человека, она колебалась и испытывала страх.

С этими словами она поставила тарелку на место и посмотрела на Сянь Чжихао, который пристально смотрел на нее.

"Я имею в виду, что сейчас справедливое общество, даже если ты хочешь решить чью-то жизнь или смерть, это всего лишь вопрос слов. У меня нет намерения сожалеть, да и чувств к нему у меня больше нет. Я просто чувствую, что есть много способов наказать человека. Как в случае с Бинцин, это потому, что она не любит, когда ее сдерживают, поэтому нужно держать ее в клетке, пока она не задумается над своей ошибкой, но с Хань Сюэганом все иначе".

Взгляд Сянь Чжихао был безразличным. "Ты действительно думаешь, что я не трогал его?"

После этого он развернулся и вышел из кухни. Перед тем как выйти, он равнодушно сказал: "Хань Сюэган любит славу и богатство, я дал ему это. Что может быть более впечатляющим, чем позволить человеку, который любит славу и богатство, быстро подняться и в мгновение ока упасть?".

После этого Сянь Чжихао вышел. Казалось, он был рассержен тем, что Цзян Руолан умоляла Хань Сюэгана.

С характером Сянь Цзыхао, он был дотошен в своих действиях и планировании. Под спокойной внешностью он мог манипулировать определенными ситуациями. Помимо серьезности, у него было сострадательное сердце, но помимо этого, у него были свои принципы.

В присутствии Цзян Руолан он часто казался мягким и терпеливым. Она часто слышала о его решительных действиях. По крайней мере, перед ней он опускал свою личность, улыбался, уговаривал ее, пел для нее "Воспоминания южных гор" и иногда дарил ей заботу.

Это заставляло Цзян Руолан иногда забывать, что семья Сянь и группа Сянь были слишком выдающимися, а Сянь Чжихао все еще держал в своих руках некоторую власть решать жизнь человека.

Другими словами, он никогда не собирался отпускать Хань Сюэгана.

Что касается Цзян Бинцин, то для Цзян Руолан это был кошмарный сон, поскольку ее дважды чуть не "изнасиловали". Что бы ни случилось в итоге, Цзян Бинцин не моргнет глазом и поймет свою ошибку.

А вот Хань Сюэган, возможно, потому, что когда-то она смотрела на эти отношения слишком просто. Хотя окончательный ущерб был огромен, она всегда думала о нем как о человеке, который причинил ей эмоциональную боль, о мужчине, в которого она однажды по ошибке влюбилась.

Однако была ли вообще необходимость в его смерти?

Цзян Руолан также понимала, что Хань Сюэган боролся против Сянь Чжихао. Он причинил ей боль, но в то же время он пытался поставить Сянь Чжихао в ужасную ситуацию, когда ему (Сянь Чжихао) некуда было отступить.

Хотя наказание Сянь Чжихао было разумным, в этот раз Цзян Руолан не смогла смириться с ним.

Несмотря на то, что Сянь Чжихао был зол на нее, Цзян Руолан не могла не подойти к двери кухни и не заглянуть к нему.

Сянь Чжихао сидел на диване со спокойным выражением лица и читал газету.

Неужели он действительно злился на нее?

Цзян Руолан бесполезно сожалеть об этом. Она уже произнесла эти слова. Молча она придвинулась ближе к нему и положила голову перед ним. "Цзыхао!"

Однако Сянь Чжихао не волновало ее улыбающееся лицо. Он оттолкнул ее голову в сторону, нахмурившись.

Видя, что он полностью игнорирует ее, Цзян Руолан начала чувствовать себя неловко. Она знала, что Сянь Цзыхао может ревновать ее к Хань Сюэгану, поэтому она просто улыбнулась и взяла его за рукав. "Цзыхао, давай поговорим".

"О чем? О Хань Сюэгане?" Сянь Чжихао перевернул страницу газеты. Его взгляд был прикован к газете. Он даже не взглянул на нее. Его голос был таким же нормальным, как и обычно, но в нем не было тепла.

Цзян Руолан просто чувствовала, что, хотя Хань Сюэган был нечестен и много раз брал взятки, он лишь на короткое время официально занял руководящую должность в Ling Group.

В мире бизнеса это не было большой проблемой, но самой большой ошибкой, которую он совершил, было то, что он спровоцировал Сянь Цзыхао, не зная своих собственных возможностей.

Хотя Цзян Руолан лишили политических прав на всю жизнь, она могла смириться с этим, но единственное, с чем она не могла смириться, так это со смертной казнью.

Как только человек умрет, от него ничего не останется.

Когда она подумала о том, как он, когда-то живой человек, вдруг оказался перед ней, и его навсегда разлучили небеса и земля, ей стало страшно.

По тону Сянь Чжихао было понятно, что он не оставит никакой свободы действий.

"Так, давайте поговорим о Хань Сюэгане". Цзян Руолан была раздражена его голосом. Широкая улыбка на ее лице полностью исчезла, она смотрела на него с ровным лицом. "Цзыхао, я понимаю. Я также не хотела влиять на твое решение. Просто..."

Когда сестра Яньмэй увидела, что у Цзян Руоланя больше нет времени на готовку, она пошла на кухню. Цзян Руолан не интересовало, что происходит на кухне, она лишь посмотрела на спокойное лицо Сянь Чжихао и сказала: "Я должна тебе сказать, что я не мягкосердечная. Я просто... не хочу видеть его смерть".

"Цзыхао, мы все люди с сердцем. Все совершают ошибки; некоторых можно простить, а некоторых нет. Что касается меня, то, что Хань Сюэган сделал со мной, меня не волнует, простишь ты его или нет, потому что я уже отказалась от своих чувств к нему, и он меня

больше не волнует. Если бы он сделал слишком много отвратительных и злых вещей, я бы точно не сказала ни слова, но он этого не сделал. Он сделал это только для того, чтобы подняться, и мы все знаем, что рано или поздно он упадет. Я все же хочу сказать, что независимо от наказания, есть ли необходимость в том, чтобы он умер?"

"Ты хочешь сказать, что если я убью его, то я бессердечный человек?"

Наконец, Сянь Чжихао отложил газету и посмотрел на нее. Его лицо было невыразительным, а глаза холодными.

Цзян Руолан нахмурилась. "Ты знаешь, что я не это имела в виду".

Уголок рта Сянь Чжихао изогнулся в холодной улыбке.

"Руолан, позволь спросить тебя, если я не прислушаюсь к твоим мольбам в этот раз, если я не отпущу его, что ты будешь делать?"

Цзян Руолан была ошеломлена. Она не понимала, откуда взялся этот вопрос.

Сян Чжихао смотрел на нее серьезно, с отстраненным взглядом, как будто оценивал ее. Но в то же время он выглядел таким же красивым и нежным, как и раньше.

Это заставило Цзян Руолан вздрогнуть. Не успела она ответить, как из кухни вышла сестра Яньмэй и сказала: "Уксуса недостаточно. Молодая госпожа все еще хочет приготовить кисло-сладкого карпа?".

"Я пойду куплю его". Это был первый раз, когда Сянь Чжихао не дал ей шанса уклониться от разговора. Цзян Руолан не знала, что ответить, поэтому, воспользовавшись случаем, взяла кошелек и ключи и поспешила выйти из дома.

На въезде в район был небольшой супермаркет. Хотя в супермаркете продавалось не так много товаров, там было достаточно специй, таких как соевый соус и уксус. Цзян Руолан вышла купить бутылку уксуса и даже купила несколько товаров первой необходимости, после чего вернулась обратно с сумкой в руках. Она поняла, что дискомфорт в ее сердце утих.

Как раз когда она собиралась вернуться в дом, по каменной дороге перед ней прошла знакомая фигура. Хань Сюэган держал в одной руке ключи от машины, а в другой - что-то.

В ее жизни он уже давно был прохожим, и даже все памятные воспоминания последних четырех лет давно ушли. Цзян Руолан не чувствовала к нему ничего, кроме жалости, а может быть, это был обычный женский инстинкт, который не мог принять смертный приговор для других.

Поэтому, как только взгляд Хань Сюэгана остановился на ней, Цзян Руолан посмотрела на него, как на незнакомца. Она прошла мимо него, не поворачивая головы назад.

Эта каменная тропинка была ее любимой дорогой. На самом деле там была и другая дорога, но ей нравилось ходить по этой тропинке в тонких туфлях, что можно было считать естественным массажем во время беременности.

Дорога была очень узкой, поэтому, когда Хань Сюэган не уступил дорогу, Цзян Руолану ничего не оставалось, как наклониться в сторону и вежливо сказать: "Извините, пожалуйста, уступите дорогу".

<http://tl.rulate.ru/book/74099/2534548>